

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
3 March 2025
Russian
Original: English

Совет по правам человека

Рабочая группа по произвольным задержаниям

**Мнения, принятые Рабочей группой по произвольным
задержаниям на ее сто первой сессии,
11–15 ноября 2024 года**

**Мнение № 57/2024 в отношении Сапарбека Акунбекова,
Айке Бейшекеевой, Азамата Ишенбекова, Акылбека (Акыла)
Орозбекова, Актилека (Мааданбека) Капарова, Тыныстана
Асыпбекова, Сайпидина Султаналиева, Максата Тажибек уулу
и Жоодарбека Бузумова (Кыргызстан)***

1. Рабочая группа по произвольным задержаниям была учреждена в соответствии с резолюцией 1991/42 Комиссии по правам человека. Комиссия продлила и уточнила мандат Рабочей группы в своей резолюции 1997/50. Во исполнение резолюции 60/251 Генеральной Ассамблеи и решения 1/102 Совета по правам человека Совет взял на себя ответственность за осуществление мандата Комиссии. В последний раз Совет продлил мандат Рабочей группы на трехлетний срок в своей резолюции 51/8.

2. В соответствии со своими методами работы¹ 25 июля 2024 года Рабочая группа препроводила правительству Кыргызстана сообщение, касающееся Сапарбека Акунбекова, Айке Бейшекеевой, Азамата Ишенбекова, Акылбека (Акыла) Орозбекова, Актилека (Мааданбека) Капарова, Тыныстана Асыпбекова, Сайпидина Султаналиева, Максата Тажибек уулу и Жоодарбека Бузумова. Правительство с опозданием представило ответ 30 сентября 2024 года. Государство является участником Международного пакта о гражданских и политических правах.

3. Рабочая группа считает лишение свободы произвольным в следующих случаях:

а) когда сослаться на какие бы то ни было правовые основания для лишения свободы явно невозможно (например, когда лицо продолжает содержаться под стражей сверх назначенного ему по приговору срока наказания или вопреки распространяющемуся на него закону об амнистии) (категория I);

б) когда лишение свободы является результатом осуществления прав и свобод, гарантированных статьями 7, 13, 14, 18, 19, 20 и 21 Всеобщей декларации прав человека и — в той мере, в которой это касается государств-участников, — статьями 12, 18, 19, 21, 22, 25, 26 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах (категория II);

в) когда полное или частичное несоблюдение международных норм относительно права на справедливое судебное разбирательство, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и применимых международно-правовых

* Мумба Малила не принимал участия в обсуждении данного дела.

¹ A/HRC/36/38.

документах, принятых соответствующими государствами, является настолько серьезным, что это придает лишению свободы произвольный характер (категория III);

d) когда просители убежища, иммигранты или беженцы подвергаются длительному административному лишению свободы без возможности пересмотра или обжалования этого решения в административном или судебном порядке (категория IV);

e) когда лишение свободы является нарушением международного права в силу дискриминации по признаку рождения, национального, этнического или социального происхождения, языка, религии, экономического положения, политических или иных убеждений, пола, сексуальной ориентации, инвалидности или иного статуса, которая приводит или может привести к игнорированию принципа равенства людей (категория V).

1. Представленные материалы

а) Сообщение источника

4. Сапарбек Акунбеков, родившийся 28 января 1990 года, является гражданином Кыргызстана. За два месяца до ареста он начал работать в качестве журналиста-стажера в проекте «Айт Айт десе». У него наблюдаются проблемы со здоровьем, в том числе с почками.

5. Айке Бейшекеева, родившаяся 16 января 2001 года, является гражданкой Кыргызстана. Числится штатным журналистом на канале «Темиров Лайв». Ее обычным местом жительства является Бишкек.

6. Азамат Ишенбеков, родившийся 12 декабря 1997 года, является гражданином Кыргызстана. Он известен как акын в проекте «Айт Айт десе». Обычное место жительства — село Таш-Башат, Кыргызстан. Страдает проблемами со зрением и гипертонией.

7. Акылбек (Акыл) Орозбеков, родившийся 30 декабря 1991 года, является гражданином Кыргызстана. Числится оператором на канале «Темиров Лайв». Обычное место жительства — село Таш-Комур, Кыргызстан.

8. Актилек (Мааданбек) Капаров, родившийся 16 июля 1994 года, является гражданином Кыргызстана. Он журналист и основатель собственного издания «Алга медиа». До августа 2023 года работал журналистом на канале «Темиров Лайв». Обычное место жительства — село Маевка, Кыргызстан. У него наблюдаются проблемы со здоровьем, в том числе с почками.

9. Тыныстан Асыпбеков, родившийся 28 сентября 1994 года, является гражданином Кыргызстана. Числится журналистом издания «Политклиника». Ранее работал на канале «Темиров Лайв». Обычное место жительства — село Ильичевское, Кыргызстан.

10. Сайпидин Султаналиев, родившийся 29 августа 1972 года, является гражданином Кыргызстана. Ранее был сотрудником канала «Темиров Лайв»; в настоящее время работает журналистом в «Арча медиа». Обычное место жительства — Бишкек. После задержания перенес инфаркт миокарда.

11. Максат Тажибек уулу, родившийся 9 сентября 1992 года, является гражданином Кыргызстана. Был одним из основателей канала «Темиров Лайв», где до 2022 года работал оператором. С 2022 года журналистской деятельностью не занимается. Обычное место жительства — Бишкек. В течение двух последних лет у него наблюдаются проблемы со здоровьем.

12. Жоодарбек Бузумов, родившийся 17 июня 1993 года, является гражданином Кыргызстана. Ранее был сотрудником канала «Темиров Лайв». Обычное место жительства — Бишкек.

i) *Контекст*

13. Источник утверждает, что 16 января 2024 года власти Кыргызстана арестовали вышеупомянутых девять лиц по обвинению в подстрекательстве к «массовым волнениям» в связи с публикацией на страницах «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе» в социальных сетях серии видеороликов, в которых документировалось расследование предполагаемой коррупции в правительстве и высказывалась критика в адрес президента Кыргызстана. Как сообщается, в марте 2024 года двое лиц были освобождены из предварительного заключения и помещены под домашний арест; еще четверо были отпущены под домашний арест в апреле 2024 года.

14. По словам источника, лишение свободы этих девяти человек согласуется с сообщениями о предполагаемой продолжающейся в Кыргызстане кампании по подавлению инакомыслия, в том числе путем уголовного преследования в отношении представителей независимых СМИ и журналистов². Как утверждается, с помощью изменений в Конституцию, внесенных в 2021 году, аппарат премьер-министра был упразднен, был урезан штат законодательных органов власти, а их полномочия сокращены. По сообщениям, установление суперпрезидентской формы правления позволило правительству преследовать правозащитников и независимые СМИ.

15. В соответствии с этими конституционными изменениями президент был наделен полномочием назначать судей и руководителей правоохранительных органов. По сообщениям, в результате подобного усиления влияния президента на судебную ветвь власти в еще большей мере стало возможным преследование независимых журналистов и представителей гражданского общества. В принятых в 2022 году заключительных замечаниях по третьему периодическому докладу Кыргызстана Комитет по правам человека выразил обеспокоенность сообщениями об отсутствии независимости и беспристрастности в судебной системе государства-участника, в частности из-за участия президента в отборе и назначении судей³. Комитет также выразил обеспокоенность по поводу возбуждения уголовных дел против блогеров и журналистов и призвал правительство Кыргызстана воздерживаться от использования уголовного преследования в качестве инструмента подавления критического освещения вопросов, представляющих общественный интерес⁴.

16. Как сообщается, несмотря на обращенные к правительству призывы защищать свободу слова, продолжаются уголовные преследования в связи со свободой слова и независимыми репортажами. В январе 2022 года, после нескольких месяцев слежки и преследований, по обвинению в хранении наркотиков был арестован ведущий антикоррупционный журналист и основатель канала «Темиров Лайв». Его арест имел место после того, как на канале «Темиров Лайв» был размещен видеорепортаж, в котором утверждалось, что члены семьи главы Государственного комитета национальной безопасности, национального агентства, отвечающего за разведывательную деятельность в контексте борьбы с терроризмом и организованной преступностью, были замешаны в коррупции.

17. Более того, по сообщениям, власти предпринимали попытки заблокировать доступ к независимым СМИ и закрыть их. Принятый в 2021 году Закон о защите от ложной информации используется для ограничения свободы слова. На основании Закона частным лицам предоставляется право требовать удаления размещенных в Интернете материалов о них, которые представляются им ложными, а вся ответственность за доказывание того, что опубликованные на их платформе

² Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, «Комментарий пресс-секретаря Управления Организации Объединенных Наций по правам человека Лиз Тросселл по вопросу о свободе выражения мнений в Кыргызстане», заявление, 16 января 2024 года. <https://www.ohchr.org/en/statements/2024/01/comment-un-human-rights-office-spokesperson-liz-throssell-freedom-expression>.

³ CCPR/C/KGZ/CO/3, п. 37.

⁴ Там же, п. 45 и подпункты а) и б) п. 46.

материалы достоверны возлагается на владельца веб-сайта или веб-страницы. Комитет по правам человека выразил обеспокоенность по поводу этого закона⁵.

18. 14 марта 2024 года парламент принял закон об иностранных агентах, в соответствии с которым неправительственные организации, получающие финансовую поддержку от иностранных организаций и занимающиеся политической деятельностью в широком понимании этого термина, обязаны регистрироваться в качестве «иностранных агентов». Источник отмечает, что в 2023 году обеспокоенность по поводу влияния этого закона на гражданское общество выразили три мандатария специальных процедур⁶.

ii) *Арест и содержание под стражей*

19. Источник утверждает, что в период с ноября по 26 декабря 2023 года на каналах «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе» были опубликованы видеорепортажи о проведенных их сотрудниками расследованиях случаев предполагаемой коррупции со стороны представителей властей Кыргызстана, включая президента и приближенных к нему лиц. В одном из видеороликов от 13 декабря 2023 года директор «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе» выступает с критикой государственных должностных лиц, прямо ссылаясь на предполагаемую неспособность президента принять меры по борьбе с коррупцией.

20. 30 декабря 2023 года Министерство внутренних дел начало расследование в отношении компаний «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе». Согласно постановлению о возбуждении уголовного дела, вынесенному следственной службой МВД 13 января 2024 года, для анализа материалов, опубликованных на каналах «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе», была привлечена Судебно-экспертная служба при Министерстве юстиции. Опираясь на выводы судебно-лингвистической экспертизы, Министерство юстиции заявило, что в опубликованных на каналах «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе» материалах содержатся призывы к насильственным акциям протеста и массовым волнениям, выразившиеся в форме дискредитации правительства. Кроме того, Министерство внутренних дел заявило, что в переданных для расследования материалах усматривается множество действий, приравняемых к попыткам апеллировать к обществу, поскольку они были размещены в социальных сетях. В частности, он сослался на вышеупомянутый видеоролик от 13 декабря 2023 года с участием директора каналов «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе»⁷.

21. 13 января 2024 года органы власти возбудили уголовное дело на основании части 3 статьи 278 Уголовного кодекса, согласно которой «призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет»⁸.

22. Источник отмечает, что, если не считать упомянутого в общих чертах видеоролика, размещенного в социальных сетях 13 декабря 2023 года, в постановлении о возбуждении уголовного дела не приводится никаких конкретных высказываний, которые можно было бы расценить в качестве призывов к массовым протестам или беспорядкам. Более того, ни одно из девяти лиц в самом видеоролике не фигурируют, и в постановлении не уточняется, какую роль кто-либо из них сыграл в создании видео. На практике на момент записи данного видеоролика некоторые из этих лиц уже не работали на каналах «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе».

⁵ Там же, п. 45.

⁶ См. письмо от 2 октября 2023 года (сообщение OL KGZ 4/2023). Все сообщения, упомянутые в настоящем докладе, и любые ответы на них доступны по URL:

<https://spcommreports.ohchr.org/Tmsearch/TMDocuments>.

⁷ Источник приводит следующую ссылку на видеоролик:

<https://www.youtube.com/watch?v=MRlhMxCHyyQ>.

⁸ Уголовный кодекс Кыргызстана, часть 3 статьи 278, 28 октября 2021 года.

URL: <https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/22>.

23. 16 января 2024 года, начиная приблизительно в 6 часов утра, сотрудники Министерства внутренних дел приступили к обыску в жилищах девяти лиц, а также офисах компаний «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе». Как утверждается, в момент ареста ни одному из девяти лиц не было сообщено ни о причинах обыска и арестов, ни об их праве на помощь адвоката.

24. Вслед за проведением обысков данные девять лиц были доставлены в Министерство внутренних дел для допроса. Все они были допрошены как свидетели и в этом качестве не могли ссылаться на право не свидетельствовать против самого себя или право отказаться отвечать на вопросы. На практике некоторые адвокаты не смогли встретиться со своими клиентами в течение первых нескольких часов после задержания, поскольку им не удалось связаться со следователями, которые должны были предоставить им доступ в здание. При этом адвокаты всех девяти лиц присутствовали на «официальных» допросах⁹.

25. Так, г-жа Бейшекеева была арестована в 6 ч 30 мин, но ее адвокату было разрешено увидеть ее только около полудня. Хотя «официального» допроса до ее встречи с адвокатом не проводилось, сотрудники Министерства внутренних дел попросили ее предоставить информацию о лицах, с которыми она работала. Аналогичным образом г-н Ишенбеков смог встретиться со своим адвокатом только спустя шесть часов после ареста, в течение которых его неофициально допрашивали, не предоставляя доступа к адвокату.

26. Более того, постановление о заключении девяти лиц под стражу на 48 часов было издано сотрудниками следственной службы только вечером того дня, 16 января 2024 года, уже после завершения допросов.

27. Как сообщается, на следующий день после ареста, 17 января 2024 года, всем, кроме г-на Капарова, были предъявлены обвинения в нарушении части 3 статьи 278 Уголовного кодекса, которая предусматривает уголовную ответственность за «призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами», и части 4 статьи 41, которая предусматривает уголовную ответственность за пособничество и соучастие. Г-ну Капарову были предъявлены обвинения в качестве организатора заговора по смыслу части 3 статьи 278 и части 2 статьи 41 Уголовного кодекса. Тем не менее в обвинительных заключениях не уточняется, в чем именно выражалось подстрекательство, пособничество и соучастие каждого из девяти лиц в подстрекательстве к массовым беспорядкам или насилию в нарушение статьи 278 Уголовного кодекса.

28. Источник сообщает, что постановление о возбуждении уголовного дела было принято на основании судебно-лингвистической экспертизы, проведенной под надзором Министерства юстиции. Хотя правомерность обвинений в отношении девяти лиц и их последующий арест и заключение под стражу зависели от содержания заключения судебно-лингвистической экспертизы, ни одному из их адвокатов не был предоставлен доступ к этому заключению до непосредственного начала слушаний, состоявшихся 17 января 2024 года. Даже тогда девяти лицам и их адвокатам не была предоставлена копия заключения и не была дана возможность записать основные выдержки из него; вместо этого им было дозволено лишь ознакомиться с копией документа в течение короткого периода с момента, когда были зачитаны обвинения, и до объявления начала слушаний.

29. 17 января 2024 года, после того как данные девять лиц ознакомились с предъявляемыми им обвинениями, Первомайский районный суд Бишкека в ходе отдельных слушаний рассмотрел вопрос о законности и обоснованности их содержания под стражей. Как сообщается, доступ в зал суда был ограничен: на

⁹ См. письмо от 15 марта 2024 года (сообщение AL KGZ 1/2024).

слушания были допущены только родственники; журналистам из различных СМИ было запрещено присутствовать в зале суда¹⁰.

30. По словам источника, Первомайский районный суд постановил, что предварительное заключение этих девяти лиц было законным и обоснованным в качестве меры пресечения. Суд постановил поместить их под стражу в следственный изолятор № 21 Государственной службы исполнения наказаний при Министерстве юстиции сроком на два месяца, до 13 марта 2024 года. Вместе с тем при вынесении постановления о заключении под стражу суд не учел их индивидуальные обстоятельства. Так, в случае г-на Орозбекова суд пришел к выводу, что с учетом степени опасности для общественного порядка, возникающей в связи с предполагаемым преступлением, и того обстоятельства, что г-н Орозбеков обвиняется в совершении тяжкого преступления, назначение мер пресечения представлялось уместным.

31. Согласно части 6 статьи 266 Уголовно-процессуального кодекса все девять лиц должны были быть переведены в следственный изолятор № 21 немедленно вслед за вынесением Первомайским районным судом постановления от 17 января 2024 года. Однако переведены они были только 29 января 2024 года, спустя 14 суток с момента их первоначального ареста и спустя 13 суток после вынесения судом соответствующего постановления. В течение этого времени представитель аппарата Омбудсмана (Акыйкатчы) Кыргызской Республики посетил их в Главном управлении внутренних дел и направил в адрес Управления письмо с просьбой объяснить причины, по которым перевод в следственный изолятор до сих пор не состоялся.

32. По словам источника, власти перевели девять лиц в следственный изолятор № 21 только после того, как представители Национального центра по предупреждению пыток посетили изолятор временного содержания и выступили с публичным заявлением, требуя от властей немедленно решить вопрос о переводе этих лиц. В своем заявлении представители Национального центра заявили, что «дальнейшее содержание этих лиц в изоляторе временного содержания Главного управления внутренних дел или в других местах, подведомственных Министерству внутренних дел, будет расцениваться как пытки»¹¹.

33. Источник отмечает, что центр временного содержания, в котором девять лиц находились в течение первых 14 суток своего содержания под стражей, подведомствен Министерству внутренних дел. Вследствие этого представители Министерства имели беспрепятственный доступ к ним на протяжении всего этого времени.

34. С 2 по 6 февраля 2024 года в ходе отдельных слушаний Бишкекский городской суд рассмотрел апелляционные жалобы девяти лиц на принятые Первомайским районным судом постановления о заключении под стражу. Как сообщается, во время апелляционных слушаний девять лиц содержались в металлических клетках.

35. Данные девять лиц привели разные доводы для оспаривания меры пресечения в виде предварительного заключения под стражу. Так, г-н Капаров обжаловал постановление на том основании, что суд не провел оценки целесообразности содержания под стражей, следовательно не привел оснований для содержания под стражей, обоснованное подозрение в совершении им преступления отсутствовало и были нарушены уголовно-процессуальные нормы. Г-жа Бейшекеева и г-н Тажибек уулу оспаривали правомерность своего содержания под стражей и постановлений о мере пресечения в соответствии со статьями 6, 7 и 212 Уголовно-процессуального кодекса, статьей 55 Конституции и статьей 19 Пакта. Г-н Ишенбеков подал апелляцию на том основании, что судья участвовал в рассмотрении другого дела, возбужденного в его отношении. В ответ на это прокурор, как сообщается, в основном ссылаясь на тяжесть предполагаемого преступления в качестве обоснования для предварительного заключения.

¹⁰ Там же. См. также <https://kyrgyzstan.un.org/en/270664-un-special-procedures-sent-permanent-mission-kyrgyzstan-joint-allegation-letter-raising>.

¹¹ Источник приводит следующую ссылку на новостную статью: <https://rus.azattyk.org/a/32799452.html> (на русском языке).

36. Вместо того, чтобы рассмотреть конкретные обстоятельства каждого дела в отношении девяти лиц, Первомайский районный суд, как сообщается, вынес идентичные решения по каждому из них. Так, в своем решении от 6 февраля о предварительном заключении г-на Капарова суд указал, что «с учетом того, что нарушение статей не было установлено» и что «следственный судья разрешил удовлетворить ходатайство», предварительное заключение было «законным и обоснованным». По решению суда все девять лиц остались в предварительном заключении.

37. 12 марта 2024 года в ходе отдельных слушаний Первомайский районный суд продлил срок предварительного заключения семерых из девяти лиц, а именно г-жи Бейшекеевой и г-д Ишенбекова, Султаналиева, Капарова, Асыпбекова, Бузумова и Тажибек уулу, до 13 мая 2024 года на основании запросов властей о продлении срока предварительного заключения. Так, в случае г-жи Бейшекеевой государство привело доводы о том, что следственные органы не завершили расследование, что преступления, в которых она обвиняется, относятся к категории тяжких, что еще предстоит допросить множество лиц и что для проведения очной ставки со свидетелями требуется обеспечить присутствие обвиняемой. Как утверждается, Первомайский районный суд принял эти доводы в значительной части и постановил, используя идентичные формулировки в отношении каждого из лиц, что дальнейшее досудебное содержание г-жи Бейшекеевой под стражей представляется разумным и обоснованным.

38. По итогам данного слушания г-н Орозбеков и г-н Акунбеков были переведены под домашний арест. В своем решении о помещении г-на Орозбекова под домашний арест Первомайский районный суд учел смягчающие обстоятельства, говорящие в пользу домашнего ареста, а не дальнейшего содержания под стражей (например, то, что он является гражданином Кыргызстана, постоянно проживает в стране и не имеет судимости), однако при этом суд не включил в свою мотивировку доводов относительно того, могла ли менее ограничительная мера, чем домашний арест, быть достаточной для обеспечения его явки в суд.

39. По итогам слушания, состоявшегося 12 марта 2024 года, г-да Асыпбеков, Султаналиев, Тажибек уулу и Бузумов были переведены под домашний арест. В вынесенном 9 апреля постановлении о помещении г-на Бузумова под домашний арест, как сообщается, не обосновывается необходимость именно в домашнем аресте вместо какой-либо менее строгой альтернативной меры. Источник отмечает, что ему не был предоставлен доступ к копиям судебных постановлений в отношении других лиц, которые были освобождены под домашний арест 12 марта.

40. 10 мая 2024 года Первомайский районный суд продлил срок предварительного заключения трем лицам, которые не были переведены под домашний арест, а именно г-же Бейшекеевой, г-ну Ишенбекову и г-ну Капарову, и передал дело в Ленинский районный суд, причем без присутствия их адвокатов. Как сообщается, судом не было проведено какого-либо значимого различия между теми лицами, которых перевели под домашний арест, и теми, которые остались под стражей.

41. 28 мая 2024 года адвокат защиты подал в Бишкекский городской суд апелляцию на постановление Первомайского районного суда о продлении меры пресечения и передаче дела в Ленинский районный суд. Бишкекский городской суд отклонил апелляцию.

iii) Правовой анализ

42. Источник заявляет, что арест и содержание под стражей вышеупомянутых девяти лиц носят произвольный характер и подпадают под категории I и III Рабочей группы.

43. Источник утверждает, что в отношении г-д Акунбекова, Орозбекова, Асыпбекова, Султаналиева, Тажибек уулу и Бузумова, освобожденных под домашний арест, действует ряд ограничений. Им запрещается а) покидать место жительства в ночное время; б) выезжать за пределы административной территории без разрешения суда; и с) пользоваться информационно-коммуникационными технологиями. Таким

образом, они не могут свободно покидать свои дома и город в целом и сильно ограничены в общении.

44. По мнению источника, данная форма лишения свободы подпадает под мандат Рабочей группы¹². Он отмечает, что Рабочая группа ранее рассматривала случаи, связанные с домашним арестом, в условиях которого была запрещена связь с внешним миром по телефону или через Интернет¹³.

45. Как заявляет источник, учитывая то, что в вынесенных по данному делу постановлениях о заключении под стражу, а впоследствии о помещении под домашний арест не приводится никаких обоснований, мера пресечения была применена без каких-либо гарантий, предусмотренных Пактом в отношении ареста и содержания под стражей. Более того, хотя шесть из девяти человек находятся под домашним арестом, а трое других содержатся под стражей, всем им предъявлены обвинения в одном и том же преступлении.

a. Категория I

46. Источник напоминает, что Рабочая группа «неизменно приходила к выводу о том, что расплывчатые и слишком широкие положения, открывающие возможность для применения мер наказания к лицам лишь за осуществление ими своих прав на свободу мнений и их свободное выражение, не могут рассматриваться как соответствующие Всеобщей декларации прав человека и Пакту¹⁴. Рабочая группа далее уточнила, что такие законы допускают чрезмерно широкое толкование своих положений, что приводит к необоснованной и произвольной криминализации законного осуществления права на свободу выражения мнений¹⁵.

47. Он также напоминает, что Рабочая группа выразила обеспокоенность по поводу законов о подстрекательстве, которые носят настолько расплывчатый характер, что на их основании меры наказания могут быть применены не только в отношении лиц, использующих насилие для достижения политических целей, но и лиц, которые всего лишь осуществляют свое законное право на свободу мнений и их свободное выражение¹⁶.

48. Как сообщается, девять указанных лиц попали под следствие и были заключены под стражу на основании части 3 статьи 278 Уголовного кодекса, в соответствии с которым запрещаются «призывы к активному неподчинению... и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами». Источник заявляет, что это положение носит недопустимо расплывчатый характер по трем причинам.

49. Во-первых, в отсутствие определения того, что именно составляет «неподчинение», под данное положение потенциально подпадает широкий круг действий, защищаемых международным правом. Источник утверждает, что обвинительное заключение по делу г-на Ишенбекова от 17 января 2024 года служит наглядным примером того, насколько данный закон открыт для неправомерного применения; со ссылкой на лингвистическую экспертизу состав преступления определен как «активная дискредитация государственной власти Кыргызской Республики, равносильная совершению действий, способствующих формированию у граждан Кыргызской Республики негативного мнения о политике, проводимой главой государства, и в современных политических условиях равносильная побуждению граждан Кыргызской Республики к тайному свержению действующего правительства». Согласно источнику, в данном обвинительном заключении критика

¹² Заключение № 1 по вопросу о домашнем аресте (E/CN.4/1993/24, раздел II); и мнение № 30/2012, п. 23.

¹³ См. мнение № 16/2011.

¹⁴ Мнение № 9/2018, п. 44.

¹⁵ Мнения №№ 27/2012, п. 38; 21/2014, пп. 25 и 26; 20/2017, п. 35; и 4/2020, пп. 133 и 142. См. также Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 34 (2011), п. 25.

¹⁶ Мнение № 26/2013, п. 65. См. также мнение № 8/2017, пп. 8–11, 36 и 38; и Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 35 (2014), п. 12.

правительства приравнивается к подстрекательству к насилию, однако конкретные высказывания, чреватые подстрекательством к такого рода насилию, не приводятся. Кроме того, подобное толкование допустимо в силу недостаточно точного характера статьи 278 Уголовного кодекса.

50. Во-вторых, в части 3 статьи 278 Уголовного кодекса упоминаются «беспорядки», однако определение этого термина не дается. Хотя термин «беспорядки» используется в национальном законодательстве множества стран, в заключении лингвистической экспертизы, легшем в основу обвинительного акта, этот термин, по всей видимости, преподносится в качестве эквивалента «массовых беспорядков». В частности, эксперт-лингвист, на выводы которого ссылаются в обвинительных заключениях, установил, что в материалах каналов «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе» усматриваются «лингвистические признаки призывов к акциям сопротивления и массовым беспорядкам в силу дискредитации властей в соответствующих материалах». В обвинительных заключениях и постановлении о возбуждении уголовного дела неоднократно и, как представляется, на взаимозаменяемой основе используются термины «сопротивление», «активное неподчинение» и «массовые беспорядки», при этом определения этих терминов не даются. Как утверждает источник, все эти термины могут охватывать деятельность, защищенную правами на свободу выражения мнений и свободу собраний, включая мирные демонстрации.

51. В-третьих, в части 3 статьи 278 Уголовного кодекса не устанавливается необходимая причинная связь между тем или иным высказыванием и какими-либо актами «неподчинения» или «массовых беспорядков» для того, чтобы можно было говорить о нарушении статьи 278. Ввиду этого недочета, как утверждается, потенциальные обвиняемые лишены возможности оценить степень возможной угрозы уголовного преследования и последующей ответственности, о чем свидетельствуют факты, послужившие основанием для лишения свободы девяти лиц. Так, согласно постановлению о возбуждении уголовного дела, следователи установили, что публикация на каналах «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе» материалов, «дискредитирующих» государственные органы, «могла привести к массовым беспорядкам» в Кыргызстане. Источник утверждает, что девять лиц были арестованы и заключены под стражу ввиду опасений правительства насчет того, что высказанная на канале «Темиров Лайв» критика правительства и его политики может вызвать волнения, при этом реальная вероятность этого не была изучена или установлена¹⁷.

52. Источник приходит к выводу о том, что положения статьи 278 Уголовного кодекса носят недопустимо расплывчатый характер и поэтому не могут служить основанием для лишения свободы, в результате чего лишение свободы девяти лиц, будь то в виде предварительного заключения или домашнего ареста, носит произвольный характер и подпадает под категорию I.

53. Источник напоминает, что в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Пакта предварительное заключение должно быть исключением, а не нормой, и что содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом¹⁸. Кроме того, любое обоснование для предварительного заключения должно быть подкреплено доказательствами и не может строиться «исключительно на предположениях». Расплывчатые и широкие стандарты, такие как «общественная безопасность», не являются достаточными основаниями для предварительного заключения; суд должен установить «реальную, прямую и серьезную угрозу»¹⁹.

54. Источник также напоминает, что Рабочая группа признает содержание под стражей произвольным в случаях, когда государство не провело индивидуальную оценку для установления того, является ли предварительное заключение того или иного лица «обоснованным и необходимым»²⁰. Последствия непроведения такой

¹⁷ Там же.

¹⁸ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 35 (2014), п. 38.

¹⁹ Мнение № 44/2017, пп. 29 и 30.

²⁰ Мнения №№ 56/2017, пп. 67 и 68; 62/2017, пп. 45 и 46; и 75/2021, пп. 49 и 50.

оценки усугубляются в случае наличия у содержащегося под стражей лица серьезных проблем со здоровьем²¹.

55. Источник утверждает, что постановление о предварительном заключении девяти лиц было принято в качестве варианта по умолчанию. Он утверждает, что при назначении заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении девяти лиц вслед за арестом суд не установил каких-либо индивидуальных, конкретных рисков, обуславливающих необходимость их содержания под стражей, например опасности того, что в период ожидания судебного разбирательства кто-либо из этих девяти лиц попытается скрыться, совершит дополнительные преступления, будет препятствовать процессу сбора доказательств или запугивать свидетелей. Вместо этого суд пришел к выводу о необходимости предварительного заключения, опираясь как максимум на расплывчатые заявления об общественной опасности, связанной с преступлениями против общественного порядка.

56. Аналогичным образом, как сообщается, в постановлениях о заключении под стражу от 17 января 2024 года не дается оценка личных обстоятельств ни одного из девяти лиц. Так, г-н Орозбеков является единственным кормильцем своей семьи, а г-н Тажибек уулу страдает проблемами со здоровьем в течение последних двух лет и содержит свою семью. Более того, г-н Султаналиев, по сообщениям, перенес инфаркт миокарда в период содержания под стражей и, несмотря на состояние здоровья, оставался в предварительном заключении в течение нескольких месяцев, вплоть до 9 апреля 2024 года, когда он был переведен под домашний арест.

57. Источник также утверждает, что в решениях апелляционного суда, на основании которых были отклонены апелляции, поданные девятью лицами в отношении постановлений о предварительном заключении, также не были установлены какие-либо индивидуальные, конкретные риски, обуславливающие необходимость их содержания под стражей, и не рассматривались альтернативные формы пресечения. Так, хотя г-н Капаров в своей апелляции на постановление суда о заключении его под стражу прямо сослался на то, что суд низшей инстанции не уточнил оснований для его содержания под стражей, апелляционный суд в принятом 6 февраля 2024 года решении о его предварительном заключении уклонился от рассмотрения этого нарушения, кратко заявив, что предварительное заключение г-на Капарова было законным и обоснованным и использовав при этом формулировки, идентичные тем, что фигурировали в решениях по апелляциям других восьми лиц.

58. Источник утверждает, что, как и в случае предварительного заключения, при вынесении решения о назначении меры пресечения в виде домашнего ареста суды обязаны проводить индивидуальную оценку обстоятельств обвиняемого. Он напоминает, что Рабочая группа признавала домашний арест произвольным по категории I в случаях, когда правительство не смогло представить «существенного объяснения» в обоснование домашнего ареста в качестве необходимой и соразмерной меры²².

59. Источник заявляет, что в постановлениях о помещении под домашний арест суд не объяснил, почему эта ограничительная мера представлялась необходимой, и более того, как представляется, рассматривал домашний арест в качестве некой поблажки, допущенной в отношении некоторых из девяти лиц (г-д Акунбекова, Орозбекова, Асыпбекова, Султаналиева, Тажибек уулу и Бузумова). Постановив перевести г-на Орозбекова из следственного изолятора под домашний арест 12 марта 2024 года, суд не представил никаких обоснований для назначения меры пресечения в виде домашнего ареста, сославшись лишь на положительные индивидуальные критерии, включая то, что он является гражданином Кыргызстана, имеет постоянное место жительства, ранее к уголовной ответственности не привлекался и имеет членов семьи на своем попечении. Источник утверждает, что суд не установил индивидуальные, конкретные риски, обуславливающие необходимость дальнейшего лишения этих лиц свободы.

²¹ Мнение № 62/2017, пп. 45 и 46. См. также [CCPR/C/KGZ/CO/3](#); и [CAT/C/KGZ/CO/3](#), п. 17.

²² Мнение № 65/2018, пп. 22 и 23.

60. Источник приходит к выводу о том, что лишение свободы данных девяти лиц является несоразмерной и ненужной мерой.

b. Категория II

61. Источник утверждает, что лишение свободы упомянутых девяти лиц стало последствием осуществления ими права на свободу выражения мнений.

62. Источник утверждает, что порог для признания того, что те или иные высказывания заслуживают ограничения в виде уголовного преследования и тюремного заключения, высок²³. Он отмечает, что Рабочая группа ранее пришла к выводу, что мирное выражение мнения в сети Интернет, если оно не имеет своей целью побуждение к насилию и не представляет собой подстрекательство к национальной, расовой или религиозной ненависти или насилию, не выходит за допустимые рамки осуществления свободы выражения мнений²⁴.

63. Он также утверждает, что правительства, стремящиеся оправдать ограничения свободы выражения мнений каким-либо из оснований, изложенных в пункте 3 статьи 19 Пакта, обязаны предметно выявить, какие именно высказывания в том или ином выступлении чреватые соответствующей угрозой²⁵.

64. Источник утверждает, что власти не смогли привести ни одного конкретного высказывания, содержащего «призыв к насилию», из опубликованных на каналах «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе» материалов, к подготовке или организации которых предположительно имели отношение девять обвиняемых. Высказывания, приводимые в документах суда и обвинения, как максимум представляют собой «резкую политическую критику» без каких-либо призывов к насилию²⁶. Власти опирались на расплывчатые заявления и вероятность какого-то рода волнений и не смогли установить прямую связь между предполагаемым риском и какими-либо фактическими высказываниями, чреватыми угрозой насилия.

65. В постановлении о возбуждении уголовного дела предположительно указывается лишь, что данные материалы (без дополнительных уточнений) могут спровоцировать разного рода массовые волнения на территории Кыргызстана. Подобные расплывчатые обоснования представляются недостаточными для целей удовлетворения требованиям, предусмотренным в статье 19 Пакта в отношении ограничений свободы выражения мнений, вводимых с учетом четырех факторов, определенных Рабочей группой в ее правовой практике²⁷.

66. Источник отмечает, что, хотя в пересмотренных обвинительных заключениях, в отличие от постановления о возбуждении уголовного дела, цитируется видеоролик, опубликованный на канале «Айт Айт десе» 13 декабря 2023 года, приведенные выдержки рассчитаны на подмену понятия защищенной речи, содержащей критические высказывания в отношении правительства, понятием подстрекательства к неподчинению и массовым беспорядкам. Так, в обвинительных заключениях от 17 января 2024 года в отношении г-д Орозбекова, Ишенбекова и Капарова упоминаются высказывания в видеоролике о том, что политические лидеры «думают только о том, как набить свои карманы», что они должны «быть творцами славной эпохи в истории Кыргызстана и либо запомниться потомкам в качестве героев, либо быть проклятыми будущими поколениями молодежи» и должны «пользоваться уважением молодежи и народа, а не чураться правосудия, терять уважение народа и сбегать из страны, как их предшественники». Ни в одном из этих заявлений не содержится призывов к каким бы то ни было формам насилия; как максимум в них улавливается призыв «бороться за свободу», который в контексте видеоролика прозвучал не в качестве призыва к насилию, а в качестве призыва к действиям, ни в

²³ Мнения №№ 41/2017, п. 86; и 58/2017, п. 48.

²⁴ Мнение № 41/2005, п. 28 (см. [A/HRC/4/40/Add.1](#)). См. также [A/66/290](#), п. 40.

²⁵ Мнения №№ 5/1999, п. 13 (см. [E/CN.4/2000/4/Add.1](#)); и 6/2016, п. 48.

²⁶ Мнение № 5/1999, п. 13.

²⁷ Мнения №№ 41/2017, п. 86; и 58/2017, п. 48.

костей мере не выходящего за рамки политического дискурса и здоровой критики правительства²⁸.

67. Источник также утверждает, что, поскольку критика правительства подменялась понятием подстрекательства к насилию, как это следует из неоднократных ссылок на клевету в адрес правительственных чиновников, постановления о возбуждении уголовного дела и пересмотренные обвинительные заключения противоречат международной судебной практике, в соответствии с которой заключение под стражу исключается в качестве меры пресечения в ответ на спорные или клеветнические высказывания²⁹.

68. Как утверждается, хотя на момент публикации видеороликов некоторые из арестованных журналистов уже даже не работали на каналах «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе», а в материалах дела не уточняется, какую именно роль каждое из девяти лиц сыграло в производстве этих видеорепортажей, что в целом ставит под сомнение их участие, очевидно, что данные девять лиц подверглись преследованию как минимум в силу их связи с изданием, сотрудники которого эффективно осуществляли право на свободу выражения мнений. Более того, лишение их свободы является отражением сложившейся в Кыргызстане практики преследования независимых СМИ.

69. В силу вышеупомянутых причин источник приходит к выводу, что лишение свободы упомянутых девяти лиц является нарушением их права на свободу выражения мнения и, следовательно, подпадает под категорию II.

с. Категория III

70. Источник утверждает, что всем лицам, подвергающимся аресту, должен незамедлительно предоставляться доступ к адвокату³⁰.

71. Следует напомнить, что в соответствии с пунктом 3 d) статьи 14 Пакта лица, которым предъявлены уголовные обвинения, также имеют право быть проинформированными о праве на защитника и что данная информация должна предоставляться сразу после ареста³¹.

72. Источник заявляет, что при аресте г-жа Бейшекеева и г-н Ишенбеков не были уведомлены о своем праве на адвоката (вне зависимости от того, рассматривались ли они в качестве «свидетелей» или «подозреваемых»)³² и в ходе неформального допроса, проведенного сотрудниками Министерства внутренних дел, адвокат им предоставлен не был. Так, г-жа Бейшекеева была арестована в 6 ч 30 мин, но ее адвокату было разрешено увидеть ее только около полудня. Хотя «официального» допроса в течение этого времени не проводилось, сотрудники Министерства внутренних дел попросили ее предоставить информацию о лицах, с которыми она работала. Аналогичным образом г-н Ишенбеков подвергался неофициальному допросу без доступа к защитнику в течение первых шести часов содержания под стражей и до того, как он получил возможность встретиться со своим адвокатом.

73. Источник приходит к выводу, что в силу вышеупомянутых причин в случае как минимум г-жи Бейшекеевой и г-на Ишенбекова было нарушено право на адвоката.

74. Источник напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 14 обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не

²⁸ См. мнение № 41/2005; см. также мнение № 9/2018, п. 41; и Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 34 (2011), п. 34.

²⁹ Мнение № 51/2017, п. 35; и *Качо Рибейро против Мексики* (CCPR/C/123/D/2767/2016), пп. 10.8 и 10.11.

³⁰ CCPR/C/79/Add.75, п. 27; и *Жук против Беларуси* (CCPR/C/109/D/1910/2009), пп. 2.1 и 8.5. См. также *Гридин против Российской Федерации* (CCPR/C/69/D/770/1997 и CCPR/C/69/D/770/1997/Сотт.1); *Карранса Алегре против Перу* (CCPR/C/85/D/1126/2002); *Краснов против Кыргызстана* (CCPR/C/101/D/1402/2005). *Ляшкевич против Узбекистана* (CCPR/C/98/D/1552/2007); и *Саидов против Таджикистана* (CCPR/C/122/D/2680/2015).

³¹ CCPR/C/NLD/CO/4, п. 11; *Саидов против Таджикистана* (CCPR/C/81/D/964/2001), п. 6.8.

³² Европейский суд по правам человека, *Трутен против Украины*, жалоба № 18041/08, постановление от 23 июня 2016 года, п. 66.

будет доказана согласно закону³³. В соответствии с этой статьей все государственные органы власти обязаны воздерживаться от предрешения исхода судебного разбирательства, например, воздерживаясь от публичных заявлений, в которых утверждается о виновности обвиняемого³⁴. Вероятность нарушения принципа презумпции невиновности существует в случаях, когда государственные органы власти делают заявления о виновности обвиняемого до суда³⁵.

75. Источник утверждает, что власти неоднократно выступали в СМИ с публичными заявлениями о ходе рассмотрения дел этих девяти лиц вслед за их арестом, тем самым предрешая исход судебных разбирательств еще до того, как они были назначены или завершены.

76. В день, когда были произведены аресты, 16 января 2024 года, на официальном сайте Министерства внутренних дел, в ведомстве которого находится орган, уполномоченный произвести арест и в предварительном порядке поместить под стражу девять лиц, было опубликовано сообщение, в котором говорилось, что 30 декабря 2023 года в ходе мониторинга сети Интернет на страницах «Айт Айт десе» и «Темиров Лайв» была обнаружена информация с призывами к массовым беспорядкам. Как утверждает источник, с учетом предъявляемых девяти лицам обвинений в подстрекательстве к массовым беспорядкам это сообщение равносильно предрешению вопроса об их виновности со стороны властей.

77. Спустя несколько дней после того, как Первомайский районный суд избрал в отношении этих девяти лиц меру пресечения в виде предварительного заключения, и в период, когда апелляции, поданные на это решение, все еще находились на рассмотрении, президент, как сообщается, начал выступать в прессе с публичными комментариями о задержанных. В интервью кыргызскому национальному информационному агентству «Кабар», данному 19 января 2024 года, президент заявил следующее: «Конкретно в данном случае, согласно заключению Судебно-экспертной службы при Министерстве юстиции Кыргызской Республики, установлено, что в видеообращениях имеются признаки призывов к массовым беспорядкам, что подпадает под часть 3 статьи 278 Уголовного кодекса Кыргызской Республики»³⁶. Кроме того, президент далее заявил, что недавно задержанные журналисты, включая сотрудников канала «Темиров Лайв», не являются «профессиональными журналистами» и что «это блогеры», которые «передергивают факты», «прибегают к манипуляциям и вводят в заблуждение общество, «используя «социальные сети для безответственной публикации различных сведений», и «делают из мухи слона»³⁷. Источник отмечает, что, по словам президента, власти были «вынуждены предпринять превентивные меры» в отношении лиц, причастных к «очернению государственной политики, будораживанию общества, антиконституционным призывам и в целом распространению фейковой информации, представляющей угрозу национальной безопасности»³⁸.

78. В ходе другого интервью, данного агентству «Кабар» 7 февраля 2024 года, президент опять высказал комментарии в отношении содержания под стражей журналистов канала «Темиров Лайв», в частности заявив, что:

Те, кто утверждает, что ситуация ухудшилась, сами заинтересованы в ее дестабилизации. Прикрываясь термином «свобода слова», они творят, что хотят, любыми доступными способами. Это «лже-патриоты». Они активно ведут пропаганду, противоречащую нашему менталитету и традициям... Мы не

³³ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 32 (2007), п. 30; и *Саидов против Таджикистана* (CCPR/C/122/D/2680/2015), п. 9.4.

³⁴ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 32 (2007), п. 30.

³⁵ Там же. См. также *Гридин против Российской Федерации*, п. 8.3.

³⁶ Источник приводит ссылку на следующую статью национальной службы новостей, в которой президент упоминает видеообращения директора компаний «Темирова Лайв» и «Айт Айт десе»: <https://kabar.kg/news/svoboda-slova-zaderzhanie-bloggerov-vyzov-na-dopros-rukovoditelei-ia-ocherednoe-interv-iu-prezidenta-sadyra-zhparova>.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

позволим, чтобы их корыстные цели привели к дестабилизации ситуации и стали реальностью... Под видом демократии они распространяют ложную информацию и призывают к беспорядкам³⁹.

79. Как сообщается, 29 января 2024 года в ходе ток-шоу заместитель председателя Кабинета министров в разговоре об упомянутых девяти лицах заявил: «Эти наши молодые ребята, конечно, никакие не враги; конечно, они ошиблись. Ни у президента, ни у правоохранительных органов, ни у суда нет намерения сгноить их в тюрьме. Это меры воспитания... В некоторых случаях глава семьи или хозяин дома должен немного навести порядок»⁴⁰. По мнению источника, из этих комментариев следует, что журналисты «Темиров Лайв» сделали что-то нехорошее, что заслуживает «наведение порядка».

80. Источник утверждает, что с учетом приведенных выше комментариев различных высокопоставленных чиновников, включая президента, право девяти лиц на презумпцию невиновности было нарушено.

81. Право этих девяти лиц на презумпцию невиновности было также нарушено, когда, как сообщается, в ходе состоявшихся в феврале 2024 года соответствующих слушаний по вопросу об их содержании под стражей все они были помещены в зале суда в металлические клетки. Источник напоминает, что, как заявил Комитет по правам человека, в ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками⁴¹. При помещении подсудимого в клетку государство обязано как-то обосновать применение этой меры⁴².

82. В данном случае суд, как сообщается, не предоставил объяснений относительно того, почему во время слушаний возникла необходимость содержать этих девять лиц в металлических клетках. Учитывая, что они не обвинялись в совершении насильственных действий и не проявляли склонности к насилию и что о риске побега речи не шло, трудно представить себе разумное обоснование для столь радикальной меры. Таким образом, источник утверждает, что в результате помещения этих девяти лиц в клетку во время судебного разбирательства было нарушено их право на презумпцию невиновности.

83. В силу вышеупомянутых причин источник приходит к выводу о том, что было нарушено право этих девяти лиц на справедливое судебное разбирательство и что, таким образом, их содержание под стражей и домашний арест носят произвольный характер и подпадают под категорию III.

d. Категория V

84. Источник утверждает, что основанием для лишения свободы этих девяти лиц стали их предполагаемые политические убеждения в связи с видеороликами, размещенными на каналах «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе»: в частности, видеообращениями в социальных сетях, содержащими обвинения в коррупции, критические замечания в адрес высокопоставленных чиновников и критику политики правительства. Хотя сами эти девять лиц в видеороликах не фигурируют, а некоторые из них уже даже не работают ни на канале «Темиров Лайв», ни в проекте «Айт Айт десе» (и не работали ни на одно из этих изданий на момент записи видеороликов),

³⁹ Источник приводит ссылку на следующую статью национальной службы новостей:

<https://en.kabar.kg/news/sadyr-zhaporov-spoke-about-freedom-of-speech-and-human-rights-in-kyrgyzstan/>.

⁴⁰ Источник приводит следующую ссылку: <https://kloop.kg/blog/2024/01/29/bajsalov-zayavil-chto-arest-11-zhurnalystov-temirov-live-eto-mery-vozpitiya/>.

⁴¹ Замечание общего порядка № 32 (2007), п. 30. См. также *Селюн против Беларуси* (CCPR/C/115/D/2289/2013), п. 7.5; и *Пустовойт против Украины* (CCPR/C/110/D/1405/2005), п. 9.3.

⁴² *Селюн против Беларуси*, п. 7.5; и *Пустовойт против Украины*, п. 9.3.

основанием для их ареста и последующего содержания под стражей и домашнего ареста, по всей видимости, послужила их нынешняя или прежняя связь с этими СМИ.

85. Источник напоминает, что Рабочая группа определила несколько некумулятивных критериев, которые используются для установления дискриминационного характера лишения свободы на основании фактических или предполагаемых политических убеждений, а именно: а) лишение свободы является частью систематического преследования задержанного лица, например в связи с производившимся ранее задержанием; б) другие лица, характеризующиеся аналогичными отличительными особенностями, также подвергаются преследованию; и с) из контекста следует, что власти задержали то или иное лицо на дискриминационных основаниях или с целью воспрепятствовать осуществлению им своих прав человека⁴³.

86. Во-первых, как сообщается, власти ранее уже прибегали к использованию средств государственного аппарата для преследования сотрудников канала «Темиров Лайв». По словам источника, лишению свободы этих девяти лиц предшествовали многие годы преследований основателя компании «Темиров Лайв», который был выслан из Кыргызстана по обвинениям, предъявленным ему, по общему мнению, за открытую критику правительства и расследование случаев коррупции. Настоящее дело, как представляется, наводит на мысль о том, что данные девять лиц, некоторые из которых продолжали снимать репортажи для канала «Темиров Лайв» после высылки его основателя, были избраны в качестве мишени в рамках предполагаемой правительственной кампании преследования и запугивания в отношении сотрудников компании «Темиров Лайв».

87. Во-вторых, правительство предположительно начало кампанию преследования в отношении других независимых журналистов и блогеров, которые, как и данные девять лиц, критически отзываются о политическом руководстве страны. Так, в феврале 2024 года одно из независимых СМИ, по сообщениям, стало объектом преследования со стороны властей и получило судебный приказ о прекращении деятельности, а другие независимые журналисты подверглись судебному преследованию по обвинению в нарушении части 3 статьи 278 Уголовного кодекса.

88. Таким образом, утверждается, что лишение свободы девяти лиц вписывается в более широкий контекст подавления инакомыслия с помощью новых суперпрезидентских полномочий, введенных на основании принятых в 2021 году конституционных изменений. Источник отмечает, что пресс-секретарь Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека заявила, что «эти недавние действия властей, по всей видимости, являются частью более широкой политики подавления активистов гражданского общества, журналистов и других критиков власти»⁴⁴.

89. Источник приходит к выводу, что в свете вышеизложенного лишение свободы упомянутых девяти лиц носит произвольный характер и подпадает под категорию V.

b) Ответ правительства

90. В соответствии со своей обычной процедурой рассмотрения сообщений Рабочая группа 25 июля 2024 года препроводила утверждения источника правительству. Рабочая группа просила правительство представить к 23 сентября 2024 года подробную информацию о нынешнем положении г-д Акунбекова, Ишенбекова, Орозбекова, Капарова, Асыпбекова, Султаналиева, Тажибек уулу и Бузумова и г-жи Бейшекеевой и уточнить правовые положения, обосновывающие их продолжающееся содержание под стражей, равно как и совместимость этого факта с обязательствами Кыргызстана по международному праву прав человека, и в частности по договорам, ратифицированным государством. Кроме того, Рабочая группа призвала

⁴³ A/HRC/36/37, п. 48.

⁴⁴ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, «Комментарий пресс-секретаря Управления Организации Объединенных Наций по правам человека Лиз Тросселл по вопросу о свободе выражения мнений в Кыргызстане».

правительство Кыргызстана обеспечить физическую и психическую неприкосновенность этих девяти лиц.

91. Правительство представило свой ответ 30 сентября 2024 года, т. е. после истечения установленного срока. Правительство не просило продлить сроки для ответа, как это предусмотрено методами работы Рабочей группы. Поэтому Рабочая группа не может принять ответ, как если бы он был представлен с соблюдением сроков.

2. Обсуждение

92. При определении того, носит ли содержание под стражей г-д Акунбекова, Ишенбекова, Орозбекова, Капарова, Асыпбекова, Султаналиева, Тажибек уулу и Бузумова и г-жи Бейшекеевой произвольный характер, Рабочая группа исходит из принципов, установленных в ее правовой практике в связи с решением вопросов, имеющих доказательственное значение. Если источник представляет достаточно серьезные доказательства нарушения международного права, представляющего собой произвольное задержание, то следует исходить из того, что бремя доказывания возлагается на правительство, если оно желает опровергнуть данные утверждения. Одних лишь утверждений правительства о законности произведенных процессуальных действий недостаточно для опровержения заявлений источника⁴⁵. В данном случае правительство приняло решение не оспаривать достоверность *prima facie* утверждений источника в установленный срок.

а) Предварительные замечания

93. Прежде всего Рабочая группа отмечает оправдательные приговоры, вынесенные 10 октября 2024 года г-дам Акунбекову, Орозбекову, Асыпбекову, Султаналиеву, Тажибек уулу и Бузумову. Она также отмечает, что в тот же день были условно-досрочно освобождены г-н Капаров и г-жа Бейшекеева; под стражей по-прежнему остается лишь г-н Ишенбеков на основании вынесенного ему обвинительного приговора. В случае освобождения соответствующего лица из-под стражи Рабочая группа может либо закрыть данное дело, либо вынести мнение относительно произвольного характера содержания под стражей в соответствии с пунктом 17 а) своих методов работы. В данном случае Рабочая группа приняла решение вынести настоящее мнение в отношении всех девяти лиц. Принимая это решение, Рабочая группа придает особое значение тому, что: а) данные лица, по всей видимости, были арестованы за осуществление ими деятельности, связанной с журналистикой; б) они были лишены свободы на протяжении приблизительно 10 месяцев; и с) правительство не сообщило Рабочей группе о каких-либо гарантиях неповторения. Более того, решение суда от 10 октября 2024 года еще не является окончательным.

94. Источник заявляет, что арест и содержание под стражей вышеупомянутых девяти лиц носят произвольный характер и подпадают под категории I, II, III и V Рабочей группы. Рабочая группа приступает к поочередному рассмотрению представленных утверждений.

б) Категория I

95. Согласно утверждениям источника, которые не были опровергнуты правительством, вышеупомянутые девять лиц содержались в предварительном заключении (в следственном изоляторе или под домашним арестом) на основании расплывчато сформулированных положений, и индивидуальной оценки предположительно создаваемых ими рисков проведено не было.

96. Рабочая группа напоминает сложившуюся норму международного права, согласно которой предварительное заключение должно быть не правилом,

⁴⁵ A/HRC/19/57, п. 68.

а исключением и применяться в течение как можно более короткого срока⁴⁶. В пункте 3 статьи 9 Пакта предусмотрено, что содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки в суд и явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии. Из этого следует, что в интересах правосудия свобода признается в качестве принципа, а содержание под стражей — в качестве исключения. Более того, хотя суровость грозящего наказания является важным элементом оценки риска побега или повторного совершения преступления, необходимость продления срока лишения свободы не может оцениваться с этой чисто абстрактной точки зрения с учетом одной лишь тяжести преступления и с использованием стереотипных формул без проведения индивидуальной оценки или рассмотрения альтернативных мер пресечения.

97. В данном случае Рабочая группа считает, что, поскольку власти не проанализировали конкретные факты и предполагаемые риски и не рассмотрели возможность назначения альтернативных мер пресечения, они не смогли должным образом обосновать необходимость предварительного заключения девяти лиц, трое из которых, а именно г-н Ишенбеков, г-н Капаров и г-жа Бейшекеева, в течение всего срока предварительного заключения содержались в следственном изоляторе, а остальные шестеро, а именно г-да Орозбеков, Асыпбеков, Султаналиев, Тажибек уулу, Акунбеков и Бузумов, находились под домашним арестом, что сопоставимо с лишением свободы, поскольку этим шести лицам не разрешалось покидать их квартиры после двух месяцев содержания в следственном изоляторе⁴⁷. В отсутствие каких-либо аргументов в пользу обратного в представленном после установленного срока ответе правительства Рабочая группа приходит к выводу, что их содержание под стражей представляло собой нарушение пункта 3 статьи 9 Пакта.

98. Вышеизложенного представляется достаточно для того, чтобы Рабочая группа пришла к выводу, что содержание этих девяти лиц под стражей носило произвольный характер и подпадало под категорию I.

99. Источник также утверждает, что содержание вышеупомянутых лиц под стражей не имело под собой правового основания, поскольку оспариваемое положение сформулировано недопустимо расплывчатым образом. Рабочая группа рассмотрит это утверждение в рамках категории II.

c) Категория II

100. Источник утверждает, что причиной для преследования г-д Ишенбекова, Капарова, Орозбекова, Асыпбекова, Султаналиева, Тажибек уулу, Акунбекова, Бузумова и г-жи Бейшекеевой послужили их мнения. Источник ссылается на предъявляемые им обвинения в совершении преступлений по смыслу части 3 статьи 278 Уголовного кодекса Кыргызстана, которая предусматривает уголовную ответственность за «призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами», но в которой не объясняется, что надлежит считать «неподчинением» или «беспорядками», в силу чего критика в адрес правительства иногда отождествляется с подстрекательством к насилию. Как утверждает источник, эти термины могут охватывать деятельность, защищенную правами на свободу выражения мнений и свободу собраний, включая мирные демонстрации. Источник подчеркнул, что, согласно материалам дела, причиной для его возбуждения послужило то, что прокуратура сочла, что материалы, которые были опубликованы на страницах в социальных сетях и к которым вышеупомянутые лица имели отношение, «дискредитировали» правительство и, таким образом, «могли привести к массовым беспорядкам».

⁴⁶ Мнения №№ 28/2014, п. 43; 49/2014, п. 23; 57/2014, п. 26; 1/2020, п. 53; и 8/2020, п. 54; см. также Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 35 (2014), п. 38; и [A/HRC/19/57](#), пп. 48–58.

⁴⁷ Заключение № 1 по вопросу о домашнем аресте ([E/CN.4/1993/24](#), раздел II). См. также мнение № 28/2024, п. 76.

101. Рабочая группа отмечает, что, хотя правительство имело возможность объяснить, какие именно действия данных девяти лиц могли быть приравнены к преступлениям, оно предпочло этого не делать. Рабочая группа отмечает крайне важную роль журналистов и блогеров в качестве источников информации, представляющей общественный интерес, независимых наблюдателей и «общественных контролеров»⁴⁸.

102. Согласно пункту 3 статьи 19 Пакта, любое ограничение, налагаемое на право на свободное выражение мнения, должно отвечать трем требованиям: ограничение должно быть установлено законом, преследовать законную цель (а именно, цель охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения) и налагаться в соответствии с требованиями необходимости и соразмерности⁴⁹. В своем представленном после установленного срока ответе правительство не привело никакой конкретной информации о том, каким образом данные девять лиц создавали угрозу какому-либо из законных интересов, перечисленных в пункте 3 статьи 19 Пакта.

103. Комитет по правам человека подчеркнул, что при оценке соразмерности ограничения весьма актуальное значение имеет форма выражения мнений. Как Совет по правам человека указал в своей резолюции 12/16, в отношении следующих видов выражения мнений ни при каких обстоятельствах не должны вводиться ограничения: а) обсуждение проводимой правительством политики и политические дискуссии; б) представление докладов о правах человека, деятельности правительства и коррупции в органах власти; в) участие в избирательных кампаниях, мирных демонстрациях или политической деятельности, в том числе за мир и демократию; и г) выражение мнений, несогласия, религиозных взглядов или убеждений, в том числе лицами, принадлежащими к меньшинствам или уязвимым группам⁵⁰. В той же резолюции Совет призвал все государства воздерживаться от введения ограничений, не согласующихся с положениями пункта 3 статьи 19 Пакта. Комитет по правам человека также конкретно признал, что пункт 2 статьи 19 предусматривает защиту деятельности журналистов и «включает право лиц высказывать критику или открытую и публичную оценку действий правительств своих стран, не опасаясь вмешательства или наказания»⁵¹. Следовательно, пункт 2 статьи 19 Пакта предусматривает защиту права иметь собственные мнения и выражать их, в том числе если эти мнения не совпадают с официальной государственной политикой.

104. В данном случае, согласно утверждениям источника, которые не были оспорены правительством, часть 3 статьи 278 Уголовного кодекса Кыргызстана была применена в отношении данных девяти человек с целью подавления их законной критики правительства, в том числе по вопросам, связанным с коррупцией. Это положение, на основании которого вводится уголовная ответственность за такие широкие и расплывчатые понятия, как «неподчинение» и «беспорядки», не отвечает строгим стандартам, установленным в пункте 3 статьи 19 Пакта. Причиной для вынесения обвинений в адрес этих лиц, по всей видимости, послужили критические мнения, которые были распространены ими в социальных сетях и восприняты в качестве «дискредитирующих» правительство. Из этой реакции властей фактически следует, что инакомыслие и публичная критика приравниваются к подстрекательству к насилию, и такая позиция противоречит международным стандартам в области прав человека.

105. Злоупотребляя правовыми нормами для подавления инакомыслия, власти, как представляется, пытаются ограничить общественный дискурс, столь необходимый для демократического управления и подотчетности. Таким образом, оспариваемое положение в том виде, в котором оно было применено, используется как инструмент

⁴⁸ European Court of Human Rights, “Key theme: article 10 contributions to public debate – journalists and other actors”, 31 August 2024. URL: <https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/contributions-to-public-debate-journalists-and-other-actors>.

⁴⁹ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 34 (2011), пп. 21–36.

⁵⁰ См. также A/HRC/14/23, п. 81 i).

⁵¹ *Маркиш ди Мораиш против Анголы* (CCPR/C/83/D/1128/2002), п. 6.7.

политических репрессий, а не как законное средство поддержания общественного порядка.

106. В отсутствие каких-либо утверждений об обратном и с учетом общего контекста дела Рабочей группе совершенно ясно, что основанием для ареста и последующего содержания под стражей г-д Ишенбекова, Капарова, Орозбекова, Асыпбекова, Султаналиева, Тажибек уулу, Акунбекова и Бузума и г-жи Бейшекеевой послужило осуществление ими своих прав на свободу выражения мнений, гарантированных статьями 19 Всеобщей декларации прав человека и статьей 19 Пакта. Рабочая группа приходит к тому выводу, что арест и содержание под стражей указанных девяти лиц носили произвольный характер и подпадали под категорию II.

d) Категория III

107. С учетом своего вывода о том, что содержание данных девяти лиц под стражей носило произвольный характер и подпадало под категорию II, Рабочая группа подчеркивает, что в их отношении вообще не должно было проводиться никакого судебного разбирательства. Тем не менее суд над ними состоялся: г-н Ишенбеков, г-н Капаров и г-жа Бейшекеева были осуждены; г-да Акунбеков, Орозбеков, Асыпбеков, Султаналиев, Тажибек уулу и Бузумов были оправданы. В связи с этим Рабочая группа приступит к рассмотрению представленных источником утверждений об отказе в праве на справедливое судебное разбирательство.

108. Согласно утверждениям источника, которые не были опровергнуты правительством, г-же Бейшекеевой и г-ну Ишенбекову не был предоставлен доступ к защитнику в течение первоначального периода вслед за их арестом, несмотря на то что в это время они подверглись допросу. Пункт 3 b) статьи 14 Пакта гарантирует право каждого обвиняемого в уголовном преступлении иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником в любое время в период их содержания под стражей, в том числе сразу после задержания, и что доступ к такой помощи должен предоставляться без промедления⁵². Рабочая группа считает, что в результате проведения допросов г-жи Бейшекеевой и г-на Ишенбекова в отсутствие адвокатов, даже если речь не шла об официальном допросе, их лишили права на помощь адвоката на решающей стадии уголовного судопроизводства и создали для них риск подвергнуться принуждению. С учетом этих фактов Рабочая группа приходит к выводу о нарушении пункта 3 b) статьи 14 Пакта.

109. Источник также жалуется на нарушение принципа презумпции невиновности этих девяти лиц, в первую очередь в свете публичных заявлений высокопоставленных должностных лиц, включая президента, в которых вопрос об их виновности был предreshен еще до того, как были назначены или завершены судебные разбирательства. Из заявлений властей, как то заявлений, опубликованных Министерством внутренних дел, и сделанных президентом комментариев в СМИ, следовало, что эти лица виновны в подстрекательстве к массовым беспорядкам, и тем самым подрывалось их право на справедливое судебное разбирательство. Кроме того, во время досудебных слушаний данные лица были без всяких оснований помещены в металлические клетки, несмотря на то что они не обвинялись в совершении насильственных действий и что о риске побега речи не шло. В своем представленном после установленного срока ответе правительство никак не прокомментировало эти утверждения.

110. Рабочая группа подчеркивает, что презумпция невиновности является одним из основополагающих принципов справедливого судебного разбирательства и, следовательно, не допускает отступлений и гарантирует, что вина не может презюмироваться до тех пор, пока обвинение не будет доказано вне разумных

⁵² Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 32 (2007), пп. 32 и 34; и Основные принципы и Руководящие положения Организации Объединенных Наций в отношении средств правовой защиты и процедур, связанных с правом любого лишенного свободы лица обращаться в суд, принцип 9 и руководящее положение 8.

сомнений⁵³. Как заявил Комитет по правам человека, государственные органы власти обязаны воздерживаться от предвещения исхода судебного разбирательства, например, воздерживаясь от публичных заявлений, в которых утверждается о виновности обвиняемого⁵⁴. В данном случае оспариваемые заявления государственных должностных лиц по сути явились признанием вины девяти обвиняемых и предвосхитили оценку фактов компетентным судебным органом. Учитывая, что соответствующие должностные лица занимали высокие посты, им следовало проявлять особую осторожность в выборе слов при описании предстоящего уголовного разбирательства. Вместо этого сделанные ими заявления могли лишь подтолкнуть общественность к мысли о виновности этих девяти лиц еще до того, как их дело было рассмотрено судом первой инстанции.

111. Более того, в ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облики, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками⁵⁵. В данном случае у указанных девяти лиц возникли объективно обоснованные опасения, что их помещение в клетку во время слушаний создаст негативный образ у судей, ответственных за определение их уголовной ответственности и принятие решений об их свободе, поскольку они предстали в качестве опасных преступников, в отношении которых требовалась такая крайняя мера пресечения. Помимо того, что сама ситуация послужила источником тревоги и страданий, она привела к нарушению их права на презумпцию невиновности.

112. В отсутствие опровержения со стороны правительства Рабочая группа считает, что было нарушено право данных девяти лиц на презумпцию невиновности, предусмотренное пунктом 1 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека и пунктом 2 статьи 14 Пакта. Этот вывод остается неизменным даже в свете того факта, что шестеро из них были оправданы судом первой инстанции: такие нарушения могут носить необратимый характер, поскольку они наносят ущерб репутации и достоинству подсудимых в ходе судебного разбирательства. В данном случае представляется очевидным — и правительство не утверждало обратного, — что оспариваемые заявления, сделанные высокопоставленными должностными лицами, в совокупности с тем фактом, что подсудимых держали в клетке в зале суда, имели долгосрочные последствия и нанесли ущерб неприкосновенности обвиняемых, причем таким образом, что полностью исправить положение не представлялось возможным.

113. В свете вышеизложенного Рабочая группа приходит к выводу, что содержание этих девяти лиц под стражей носило произвольный характер и подпадало под категорию III.

е) Категория V

114. Наконец, источник утверждает, что основанием для лишения свободы этих девяти лиц стали их предполагаемые политические убеждения. Данное дело вписывается в более широкий контекст практики преследования государством независимых журналистов и критиков, что свидетельствует о дискриминационном мотиве подавления инакомыслия. Правительство оставило эти утверждения без пояснений.

115. В данном случае Рабочая группа пришла к выводу в рамках категории II, что содержание данных девяти лиц под стражей явилось результатом законного осуществления их права на свободу выражения мнений. Когда заключение под стражу является следствием активного осуществления гражданских и политических прав, существует твердая презумпция того, что оно также представляет собой нарушение международного права в силу дискриминации по признаку политических или иных взглядов.

⁵³ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 32 (2007), п. 30.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

116. Рабочая группа отмечает типичное отношение властей к девяти лицам, которые в разном качестве имеют отношение к страницам социальных сетей «Темиров Лайв» и «Айт Айт десе», известным своими расследованиями случаев коррупции и критикой президента. Ввиду этого и особенно с учетом выводов, сделанных ею в рамках категории II, Рабочая группа приходит к выводу о том, что арест и содержание под стражей г-д Ишенбекова, Капарова, Орозбекова, Асыпбекова, Султаналиева, Тажибек уулу, Акунбекова и Бузума и г-жи Бейшекеевой имели под собой дискриминационные основания и были связаны с их политическими убеждениями, что является нарушением статей 2 и 7 Всеобщей декларации прав человека, пункта 1 статьи 2 и статьи 26 Пакта. Таким образом, их содержание под стражей носило произвольный характер и подпадало под категорию V.

3. Решение

117. В свете вышеизложенного Рабочая группа выносит следующее мнение:

Лишение свободы Сапарбека Акунбекова, Айке Бейшекеевой, Азамата Ишенбекова, Акылбека (Акыла) Орозбекова, Актилека (Мааданбека) Капарова, Тыныстана Асыпбекова, Сайпидина Султаналиева, Максата Тажибек уулу и Жоодарбека Бузума носит произвольный характер, поскольку противоречит статьям 2, 7, 9, 11 и 19 Всеобщей декларации прав человека и статьям 2, 9, 14, 19 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, и подпадает под категории I, II, III и V.

118. Рабочая группа просит правительство Кыргызстана безотлагательно предпринять необходимые шаги с целью исправления положения г-д Акунбекова, Ишенбекова, Орозбекова, Капарова, Асыпбекова, Султаналиева, Тажибек уулу и Бузума и г-жи Бейшекеевой и приведения его в соответствие с надлежащими международными нормами, включая нормы, изложенные во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах.

119. Рабочая группа считает, что с учетом всех обстоятельств данного дела надлежащей мерой защиты стало бы безусловное освобождение г-на Ишенбекова и отмена условных приговоров, вынесенных г-ну Капарову и г-же Бейшекеевой, а также предоставление им и г-дам Орозбекову, Асыпбекову, Султаналиеву, Тажибек уулу, Акунбекову и Бузумову обладающего искомой силой права на получение компенсации и возмещение ущерба в иной форме в соответствии с международным правом.

120. Рабочая группа настоятельно призывает правительство обеспечить полное и независимое расследование обстоятельств произвольного лишения свободы г-д Ишенбекова, Орозбекова, Капарова, Асыпбекова, Султаналиева, Тажибек уулу, Акунбекова и Бузума и г-жи Бейшекеевой и принять все соответствующие меры в отношении лиц, виновных в нарушении их прав.

121. Рабочая группа просит правительство распространить настоящее мнение с использованием всех имеющихся средств и на возможно более широкой основе.

4. Процедура последующей деятельности

122. В соответствии с пунктом 20 своих методов работы Рабочая группа просит источник и правительство предоставить ей информацию о последующей деятельности по выполнению рекомендаций, сформулированных в настоящем мнении, и в том числе указать:

- a) был ли г-н Ишенбеков безусловно освобожден и если да, то когда именно;
- b) были ли отменены условные приговоры, вынесенные г-ну Капарову и г-же Бейшекеевой;
- c) были ли предоставлены компенсация или возмещение ущерба в иной форме г-дам Ишенбекову, Капарову, Орозбекову, Асыпбекову, Султаналиеву, Тажибек уулу, Акунбекову и Бузумову и г-же Бейшекеевой;

d) было ли проведено расследование в связи с нарушением их прав и если да, то каковы его результаты;

e) были ли в соответствии с настоящим мнением приняты какие-либо законодательные поправки или изменения в практике для приведения законодательства и практики Кыргызстана в соответствие с его международными обязательствами;

f) были ли приняты какие-либо другие меры с целью осуществления настоящего мнения.

123. Правительству предлагается проинформировать Рабочую группу о любых трудностях, с которыми оно столкнулось при осуществлении рекомендаций, сформулированных в настоящем мнении, а также сообщить, нуждается ли оно в дополнительной технической помощи, например в виде посещения страны Рабочей группой.

124. Рабочая группа просит источник и правительство представить вышеуказанную информацию в течение шести месяцев с даты препровождения настоящего мнения. Вместе с тем Рабочая группа оставляет за собой право предпринимать свои собственные последующие действия в связи с настоящим мнением, если до ее сведения будет доведена новая вызывающая тревогу информация об этом деле. Такие действия позволят Рабочей группе информировать Совет по правам человека о ходе выполнения ее рекомендаций, а также о любом неприятии мер.

125. Рабочая группа напоминает, что Совет по правам человека призвал все государства сотрудничать с Рабочей группой и просил их учитывать ее мнения и при необходимости принимать надлежащие меры для исправления положения произвольно лишенных свободы лиц и информировать Рабочую группу о принятых ими мерах⁵⁶.

[Принято 12 ноября 2024 года]

⁵⁶ Резолюция 51/8 Совета по правам человека, пп. 6 и 9.